

Новгородские надписи-граффити

Широко распространенному в древней Руси обычью — писать на церковных стенах — многие гуманитарные науки обязаны новым материалом для исследования. Изучение этих надписей, получивших название граффити, стало возможным лишь после удаления слоев шпаклевки и поздней живописи, покрывавшей древние стены. Поразительные результаты дали исследования граффити киевского Софийского собора. С. А. Высоцкий обнаружил более сотни надписей XI—XIV вв., среди которых имеются записи, относящиеся к военно-политической истории, автографы известных исторических лиц, записи юридических сделок, надписи, содержащие дату в тексте¹. Успешно исследуются надписи такого рода и в других городах².

Надписи-граффити не только являются свидетельствами широкого распространения грамотности среди городского населения древней Руси, но и представляют ценный источник для истории, лингвистики, палеографии, истории культуры и письменности.

Историки русского языка и палеографы получают в свое распоряжение множество синхронных текстов, написанных разными почерками. Причем иногда надписи имеют дату в тексте, некоторые сравнительно точно датируются благодаря историческим сопоставлениям. «Бытовые» граффити дают представление о живом, разговорном языке того времени. Кроме того, надписи-граффити поддаются

¹ С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1964.

² Н. Н. Воронин. Смоленские граффити. «Сов. археология», 1964, № 2.

точной локализации, что обычно не всегда удается сделать для традиционных памятников письменности. Таким образом, трудно переоценить их значение для изучения диалектных особенностей определенных областей древней Руси, для датировки некоторых языковых явлений, для выявления «школ» письма. В этом отношении надписи-граффити можно сравнить лишь с берестяными грамотами.

Сохранились такие надписи и на стенах новгородского Софийского собора, построенного в 1050 г., на тринацать лет позже киевского. Еще в 1902 г. была напечатана статья В. Н. Щепкина: «Новгородские надписи graffiti»³, которая является первым, подлинно научным исследованием надписей этого рода. В этой статье не только были воспроизведены фототипическим способом все слепки надписей, поступивших в его распоряжение, но прочтена и снабжена подробным лингвистическим комментарием каждая. Наблюдения над фонетикой и морфологией граффити, датированных В. Н. Щепкиным XI—XII вв., позволили ему предполагать, что в новгородском говоре того времени как особая фонема существовал ъ, а также сохранились слабые глухие ѵ, ѿ⁴. Для некоторых надписей исследователь отмечает характерную для Новгорода мену ч/щ⁵. В. Н. Щепкиным были перечислены все имена, встретившиеся в надписях, среди которых были и языческие, неизвестные по другим памятникам письменности. Особенное внимание привлекали прочитанные им среди кирилловских надписей две глаголические. Эти надписи В. Н. Щепкин определил как тайнопись⁶.

Наблюдения над палеографией этих надписей, занимающие большую часть исследований, не потеряли значения и для нашего времени. С современной точки зрения В. Н. Щепкину можно сделать упрек лишь в том, что им не было до конца выяснено местонахождение публикуемых граффити, а также то, что он исследовал отпечатки надписей, не изучая сами оригиналы. Поэтому в некоторых

³ См.: В. Н. Щепкин. Новгородские надписи graffiti. «Древности. Труды Московского археолог. об-ва», т. XIX, вып. 3, М., 1902, стр. 26—45.

⁴ Там же, стр. 42.

⁵ Там же, стр. 44—45.

⁶ Там же, стр. 40—41.

случаях выбоины и черточки в штукатурке были им приняты за буквенные знаки.

В послевоенные годы в соборе Софии были предприняты значительные архитектурно-реставрационные работы, сопровождавшиеся археологическими раскопками⁷. В результате снова стали доступными для изучения многие надписи-граффити, процарепанные по первоначальной штукатурке (обмазке) собора.

Ремонтно-реставрационные работы, сопровождавшиеся архитектурно-археологическими исследованиями, поисками и реставрацией фрагментов фресковой живописи, были продолжены в 1961—1966 гг., когда в связи с устройством отопления в соборе Софии был заложен ряд раскопов до глубины пола XI в.⁸

В настоящее время надписи-граффити обнаружены на стенах лестничной башни, на нижних частях стен и столбов в центральной части храма, где было заложено несколько археологических раскопов, на стене придела Иоанна Богослова, на первоначальной штукатурке и фресковой живописи Мартириевской паперти. Эти надписи в абсолютном большинстве не известны ни по калькам В. В. Суслова, ни по фотографиям И. А. Шляпкина⁹.

⁷ С. Н. Давыдов. Восстановление Софийского собора в Новгороде в 1945—1948 гг. «Практика реставрационных работ». М., 1950, стр. 74—84; Ю. Дмитриев. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование (работа 1945—1948 гг.). — Там же, стр. 134—154; Н. Брунов и Н. Травин. Архитектура Софийского собора в Новгороде. «Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР», вып. 7. М., 1947; А. Л. Монгайт. Раскопки в Мартириевской паперти Софийского собора в Новгороде. — КСИИМК, XXIV, 1949; М. К. Каргер. Новгород Великий. М.—Л., 1961, стр. 114—116.

⁸ Результаты этих работ изданы лишь частично. См.: Г. М. Штендер. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской. «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода». М., 1968, стр. 83—107; Он же. Новгородское зодчество. Работы Новгородской реставрационной мастерской за 20 лет. — Там же, стр. 348—349; В. Г. Брюсова. О датировке фресок Софийского собора в Новгороде (XI—начала XII в.). «Сов. археология», 1968, № 1; Она же. К истории стеноциси Софийского собора Новгорода. Фрески Мартириевской паперти. «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода», стр. 108—125; Она же. Фреска Вседержителя и легенда о Спасовом образе. — ТОДРЛ, XXII, М.—Л., 1966, стр. 58—64.

⁹ Исключение составляют граффити на стенах лестничной башни: большинство из них были в свое время скалькованы

Всего в новгородском Софийском соборе к настоящему времени удалось исследовать около 130 надписей XI—XIV вв.

Плохая сохранность надписей-граффити, поврежденных трещинами, утратами штукатурки, рисунками, просто стертых с течением времени, иногда перекрывающих одна другую, сильно затрудняет их чтение. Известные трудности представляет и датировка надписей.

Во времена В. Н. Щепкина палеографическая датировка надписей-граффити строилась в основном на не всегда надежных аналогиях с рукописными памятниками. В настоящее время датировка значительно облегчается успехами в изучении самих эпиграфических памятников. Исторический анализ позволяет датировать сравнительно узким промежутком времени только некоторые надписи. Датировка надписей-граффити путем сравнения их с датированными граффити из других городов недостаточно надежна, так как хронология отдельных начертаний в разных областях древней Руси может иметь значительные различия. Поэтому наибольшую ценность для датировки новгородских граффити представляют новгородские же берестяные грамоты.

Уже при первой публикации новгородских грамот на бересте рядом исследователей была отмечена близость их начертаний к начертаниям надписей-граффити¹⁰. В настоящее время число открытых берестяных грамот достигает 500. Результаты их палеографического и лингвистического анализа, дополненные стратиграфической датировкой, проверенной методом дендрохронологии, дают надежную основу для сравнительной палеографической датировки эпиграфических памятников. Все же нужно отметить, что датировка многих надписей, сохранившихся фрагментарно или просто очень кратких, на основании палеографического анализа и данных языка может быть дана лишь условно.

В. В. Сусловым, фотографии некоторых надписей сохранились в архиве И. А. Шляпкина.

¹⁰ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 13—14 (см. также рецензию на издание М. В. Щепкиной. — «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 160); Л. П. Жуковская. Палеография. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955, стр. 78.

Уточнить датировку многих надписей помогает история изучения архитектуры и живописи собора, расположение надписи на той или иной штукатурке, в определенных местах ~~собора~~, — «архитектурная» стратиграфия. Еще недавно среди исследователей не было единого мнения о первоначальном облике собора. Однако многочисленные ~~археологические~~ и архитектурные исследования, сопровождавшие ремонтно-реставрационные работы, позволили достоверно выяснить, что первоначальный план ~~собора~~ соответствует современному, что южный и северный притворы и западная паперть с лестничной башней входили в первоначальный замысел собора¹¹. Таким образом, надписи по первоначальной штукатурке и на лестнице, и на хорах, и в центральной части собора могли появиться с середины XI в., т. е. со времени построения собора.

Главное помещение храма и его приделы были расписаны лишь в 1108 г.¹² Поэтому надписи из раскопов в центральной части здания, процарапанные по первоначальной штукатурке — так называемой цемянке (плотной розовой штукатурке с примесью кирпича), должны датироваться периодом от времени построения собора до его росписи, т. е. 1050—1108 гг. Единичные надписи на цемяночной штукатурке могли появиться и при позднейших ремонтах, но количество таких надписей должно быть очень небольшим и при значительном хронологическом разрыве они должны по палеографическим признакам резко отличаться от остальных надписей. Поэтому, хотя местонахождение надписей дает четкие хронологические рамки для датировки, должны учитываться и палеографические данные. Стены лестничной башни и помещений второго этажа вообще не расписывались, поэтому дополнительная стратиграфическая уточняющая датировка надписей по ним невозможна. Мартириевская паперть была расписана лишь в самом конце XII в.¹³ Следовательно, архитектурно-стратиграфическая дата надписей из этой паперти, процарапанных по цемянке, — середина XI — конец XII в., а надписей, процарапанных здесь по фресковой штукатурке, —

¹¹ С. Н. Давыдов. Восстановление Софийского собора в Новгороде в 1945—1948 годах, стр. 74.

¹² В. Г. Брюсова. О датировке фресок..., стр. 106—107.

¹³ В. Г. Брюсова. К истории стенописи..., стр. 118—125.

не ранее конца XII в. Таким образом, местоположение надписей помогает определить хронологические границы для многих из них.

Около 60 надписей датируются таким способом 1050—1108 гг. Сведения этой древнейшей группы надписей дополняют 30 надписей XI—первой половины XII в., имеющих только палеографическую дату, в некоторых случаях подкрепленную историческими сопоставлениями. Научная ценность их тем более велика, что из всех новгородских берестяных грамот только 35 (целых и обрывков)¹⁴ найдены в слоях, датируемых 1055—1134 гг., а из сотни граффити Софии Киевской только около двух десятков надписей относятся к XI—началу XII в.

Надписи, опубликованные В. Н. Щепкиным, очевидно, были начертаны до росписи собора 1108 г., так как в письмах руководившего реставрацией собора В. В. Суслова Щепкину указывалось, что все надписи были процарапаны по первоначальной штукатурке (демянке) собора ниже уровня современного пола, преимущественно на столбах, отчасти также на стенах¹⁵. Согласно этим сведениям большинство надписей должно датироваться 1050—1108 гг., что подтверждается палеографическими и лингвистическими данными, приведенными в статье В. Н. Щепкина. Все же не исключено, что некоторые надписи могли быть процарапаны на стенах паперти, расписанных несколько позднее (1144 г. и 1198 г.), или на стенах лестничной башни и хор собора, хотя и нет указания на это в письмах В. В. Суслова, на которые ссылается В. Н. Щепкин. Отсутствие более точных сведений о местонахождении каждой надписи заставляет датировать граффити, опубликованные В. Н. Щепкиным, 1050—1108 гг. пока лишь условно и допустить, что некоторые из них могли появиться и позднее.

Менее значительную группу (около 20) составляют надписи второй половины XII—первой половины XIII в. Среди них выделяются надписи, процарапанные по фресковой живописи Мартириевской паперти, палеографическая датировка которых может быть проверена их

¹⁴ А. А. Коновалов. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания. «Сов. археология», 1966, № 2, стр. 62, 66.

¹⁵ В. Н. Щепкин. Новгородские надписи..., стр. 26—27.

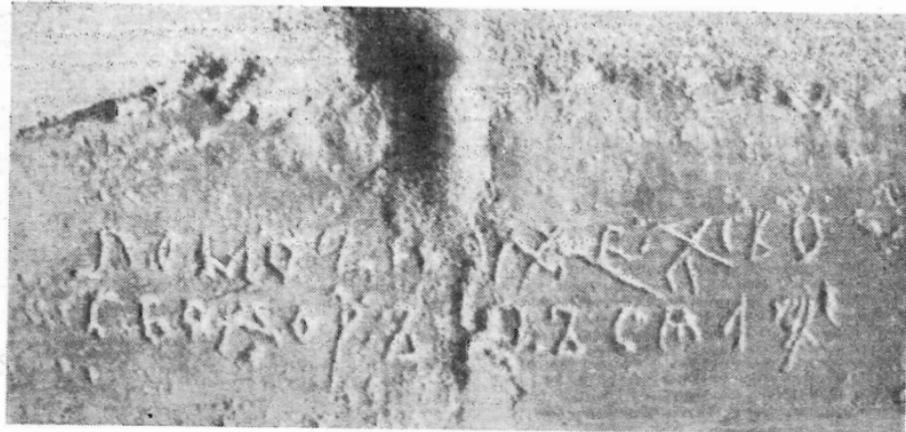

Рис. 1

местонахождением (они могли появиться не ранее конца XII в.).

Немногочисленна группа надписей XIII—XIV вв. (их всего 18). Все они датируются только палеографически.

По тематике большинство надписей составляют надписи-автографы: «писал имярек». Иногда такая надпись сокращается до одного имени, а в других случаях превращается в молитвенную формулу «господи помоги такому-то». Заклинательный смысл надписей-автографов подтверждается многочисленными рисунками крестов, процарапанными рядом. Среди граффити 1050—1108 гг. наибольшее количество представлено именно этими надписями — **ажка; ива/иъ пъ/салъ; ги помози рабоу с/воемоу нѣжатѣ ива/ничуу**, — они процарапаны по цемяночной штукатурке северного алтарного столба.

Такого же характера надпись: **помози рабъ сво| сбо-
доръ пъсмъ** (см. рис. 1.) Последнее слово первой строки не дописано, но восстановить его не представляет труда. Имя *Сбодоръ* древнерусскими источниками не зафиксировано. Здесь сомнительно чтение *б* в имени, отличающееся по начертанию от этой же буквы в слове *рабу*: верхняя горизонталь ее начинается несколько левее наклонной к началу строки мачты, петля образована ломаной линией. Почерк надписи — четкий, геометричный, насколько это достижимо при выцарапывании надписей по сухой штукатурке. Геометрический стиль почерка, геометричные петли *б*, *в*, *ъ*, особенности начертания *а*, *з*,

Рис. 2

наконец употребление ж (вместо oy) и сохранение слабого ъ (ъ) в слове пысал позволяют датировать эту надпись XI—перв. пол. XII в. Архитектурно-стратиграфические показания ограничивают палеографическую датировку 1050—1108 гг.

ДАЛАТА ПЫСАЛ СЛОВА (рис. 2). Ниже надписи две буквы-заставки в в разном орнаментальном решении. Если эти буквы начерчены Далятой, можно предположить, что он был переписчиком книг. Геометрический

стиль почерка, сохранение слабого *ь* датирует надпись Даляты XI—XII вв. Архитектурно-стратиграфические данные позволяют ограничить лишь нижнюю дату 1050 г.

Иногда такая надпись дополняется указанием на чрезвычайные обстоятельства, в которых она писалась: *хот(ен)к плък въ бѣдѣ... то о ста]л софъе избви м(a) бѣдки*. Эта надпись архитектурно-стратиграфической даты не имеет, но палеографические особенности, а также утрата слабого *i* (софье), «неупорядоченное» употребление *ъ* (*тъ*) позволяют ее отнести по времени не ранее конца XII—XIII в.

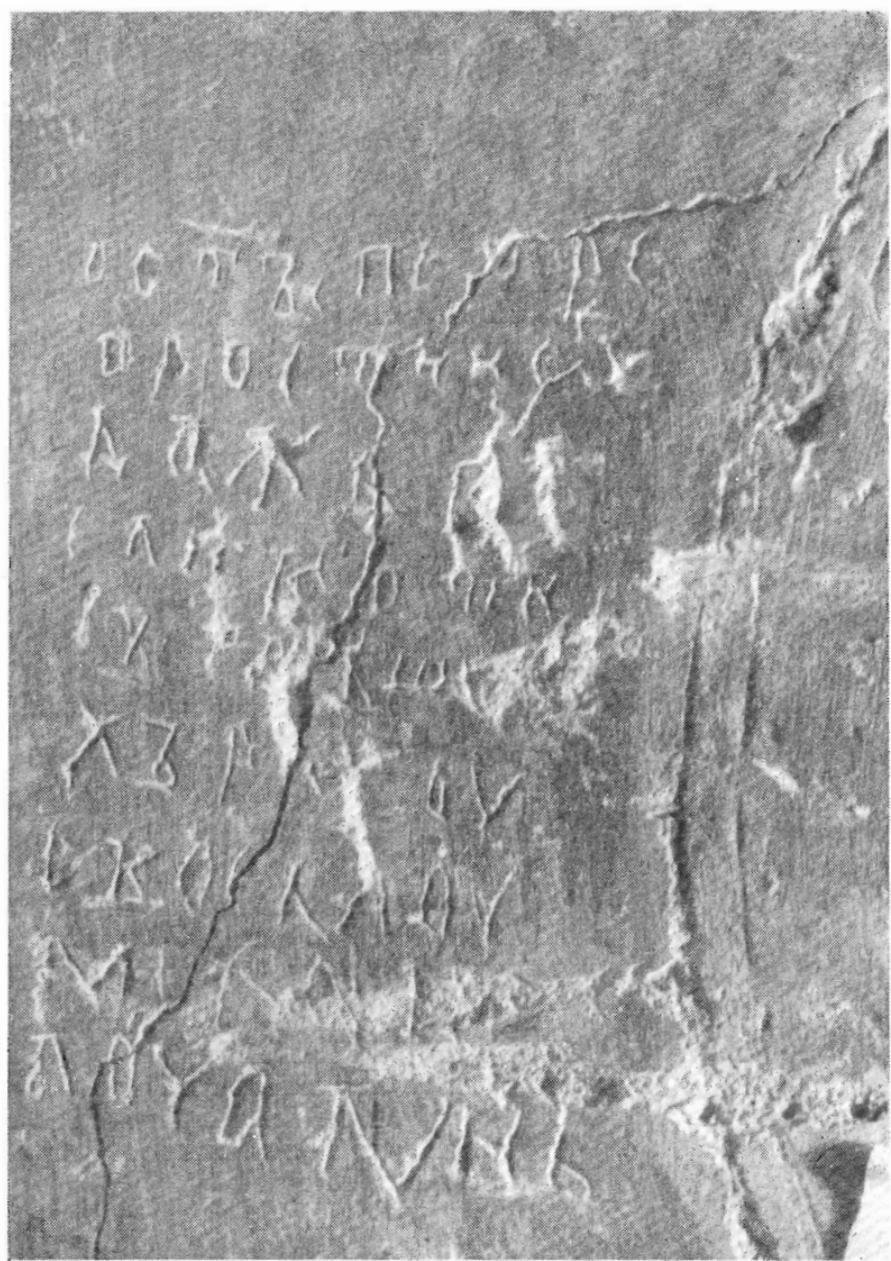
Иногда молитвенная запись обращена к определенному святому. Например, при изображении Петра в фресковой композиции «Деисус» Мартириевской паперти читаем: *о сты| петре прости ѿда|жь все елико ти съгрѣши|хо р[а]боу | своем[оу] | григо |риі амино*. Архитектурно-стратиграфическая дата этой надписи — конец XII — первая половина XIII в., так как фреска, на которой в 1195—1196 гг. была нацарапана надпись, не позже, чем в середине XIII в., была закрыта саркофагом из плинфы на половину ее высоты¹⁶. Такая датировка подтверждается палеографическими особенностями надписей и орфографией.

О сты | Петре | прости и ѿдажь в[се] | елико ти | съгрѣши|хъ р(а)[в]оу|своемоу | ми|хан|лоу амиъ (рис. 3).

Палеографический анализ позволяет отнести надпись к XIII в., а местонахождение — на фресковой композиции «Деисус» из Мартириевской паперти — ограничивает ее дату первой половиной XIII в.

Очень редко в надписи, наряду с именем, указывается профессия автора: *го помози рабоу своемоу | ф(а)рь-маноу гле|бовоу отрокоу*. По местоположению надпись датируется XI—XII вв. Палеографическая дата аналогична архитектурно-стратиграфической. В этом убеждает и с горизонтальной перекладиной, геометрические петли *в* и *б*, *а* — с остроугольной головкой и равновеликой ей правой частью и т. д. Слово *отрокъ* в древнерусском языке употреблялось в значениях 'дитя', 'юноша', 'слуга', 'помощник при должностных лицах', а также 'княже-

¹⁶ В. Г. Брюсова. О датировке фресок. . . , стр. 122, примеч. 29; Ю. Н. Дмитриев. Указ. соч., стр. 148—149.

Puc. 3

ский дружиинник¹⁷. В XI—XII вв. имя *Глебъ* известно преимущественно как княжеское. Сочетание *Глебов отрок* означает — ‘дружиинник князя Глеба’. В Новгороде в XI—XII вв. по свидетельству летописей были всего лишь два князя Глеба. В XI в. (1069—70 гг.) в Новгороде княжил Глеб Святославич, тмутараканский князь, с именем которого связывается надпись на известном Тмутараканском камне (1068 г.)¹⁸. В XII в. (1137 г.) в Новгороде был с дружиной курский князь Глеб Олегович («Глебко» по летописи), брат новгородского князя Святослава, призванный им для совместных действий против Пскова¹⁹.

К сожалению, ни палеография надписи, ни ее местоположение не могут помочь выяснить, о каком из этих князей в ней говорится. Имя Фарьман по другим источникам не известно. «Глеб» Фарьман написал через *e*, хотя известно, что оно писалось через *ѣ* (так оно написано и в надписи на Тмутараканском камне). Это написание свидетельствует скорее в пользу датировки надписи 1137 г., хотя отдельные случаи написания *e* вместо *ѣ* известны по новгородским минаям конца XI в.²⁰ Эта надпись оставлена княжеским дружиинником Фарьманом или в 1069—70 гг., или в 1137 г.

В некоторых других случаях профессию авторов надписей можно определить. Среди таких надписей-автографов выделяются граффити, оставленные художниками и строителями Софии. Об автографах художника Стефана уже сообщалось в печати²¹. Художник Стефан оставил несколько надписей и рисунков на стенах новгородского собора. В двух своих надписях он указывает время, когда писались надписи:

I: [с]тефанъψ[лъ]егды | [п]сахъстжю софию;
II: ги помози ра|боу| своемоу| стефанъψ[лъ] | игды же
пс[ахъ] | стб[о]ю софию | ги избави м(л | ѿ)... си сея,

¹⁷ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стб. 764—765 (далее: Срезн. Матер.).

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв., стр. 16—18.

¹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 25.

²⁰ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1954, стр. 125.

²¹ А. А. Медынцева. Надписи с именем художника Стефана из Софии Новгородской. «Сов. археология», 1970, № 4.

т. е. «когда расписывали святую Софию». Палеографические и фонетические особенности надписей Стефана позволяют датировать их временем росписи, начатой, по летописным сообщениям, в 1108 г. Роспись такого большого здания, как София, не могла быть выполнена одним человеком. Ниже I надписи Стефана находятся еще два автографа — Микулы и Радко, продолжающие надпись Стефана, причем в надписи Радко имеется дата ~~гжк~~ (1112 г.). Эти три автографа представляют единый по смыслу комплекс надписей, связанных местоположением, манерой выполнения, временем, что позволяет считать автографами мастеров-художников не только надпись Стефана, но и надписи Микулы и Радко. Возможно, 1112 г. является годом окончания работ по росписи Софии.

При всей своей краткости эти надписи дают некоторый материал для характеристики оставивших их художников. Стефан, насколько можно судить по его «портрету» и имени, был монахом, знакомым с старославянской письменностью. Однако некоторые фонетические особенности его речи позволяют считать его русским художником. Меньше данных для определения национальности Микулы и Радко, но если судить по имени, они также были русскими художниками. Стефан, Микула и Радко составляли, вероятно, одну артель живописцев. Но, может быть, Стефан был мастером, а Микула и Радко — его помощниками. В этом случае в росписи храма должны были принимать участие и другие мастера.

Росписи Софии 1108—1112 гг. предшествовали работы по росписи середины XI в. От этого времени сохранился ряд фрагментов живописи по цемяночному грунту и фреска Константина и Елены в Мартириевской паперти. В. В. Суслов помимо этой фрески обнаружил еще несколько фресок, выполненных на розовой цемянке, в частности им были открыты фрески в трех парусах северо-западного барабана, представляющие собой надписи и изображения крестов. Эти надписи, вероятно, не были прочитаны и об их содержании нигде не упоминалось.

В архиве В. В. Суслова среди материалов, относящихся к реставрации Софии Новгородской, сохранился лист бумаги, на котором находятся выполненные карандашом изображение креста и несколько коротких надписей. На лицевой стороне этого листа бумаги — схематическое

изображение паруса, в котором находится крест и надпись. Под этим рисунком подпись — «Северо-зап. купол северо-восточный парус». На этой же стороне листа — еще одно изображение паруса и надписи. Никаких пояснений под этим рисунком нет. На обороте листа также надпись, ниже указано — «юго-западный парус». В перечне фресок из Софийского собора, составленном В. В. Сусловым, под номерами 49, 50, 55 указано их местонахождение — в северо-западном куполе — и сделано примечание: «сняты монограммы контуром без красок, находившиеся в трех парусах». Таким образом, нет никаких сомнений, что перед нами копии, снятые с фресок на розовой цемянке, найденных в трех парусах северо-западного барабана. О дальнейшей судьбе самих фресок ничего неизвестно. Надписи, выполненные в фресковой технике в двух парусах, представляют собой автографы Георгий ф (Георгий писал), сежиръ| (п)ъл[ъ] (Сежир писал).

В третьем парусе от надписи сохранились только три буквы: ги п — начало обычной молитвенной формулы: «Господи, помози рабу своему». Следовательно, надписи в парусах северо-западного купола представляют собой автографы Георгия и Сежира. Уже одно их местоположение — на большой высоте, доступной только со специально построенных лесов, заставляет видеть в их авторах художников или строителей, а фресковая техника исполнения и художественно выполненный рисунок креста не оставляют сомнений в том, что их авторами были художники-фресчисты. Поскольку эти надписи дошли до нас в копии, датировка их по палеографическим признакам менее надежна, чем датировка по техническим особенностям исполнения. В. В. Суслов отмечал, что фрески из северо-западной главы (надписи и кресты) выполнены по самой древней цемяночной штукатурке. Мы не знаем, к какому виду стенописи по цемяночному грунту относятся интересующие нас подписи в парусах северо-западного купола. Однако в любом случае эти надписи связываются с комплексом фресок, выполненных или по сырой цемянке в процессе строительства, или некоторое время спустя (как изображение Константина и Елены) и датируются с достаточным основанием серединой XI в. Палеографические особенности надписей, насколько можно

судить по снятой с них копии, не противоречат датировке их XI в.

Некоторые надписи-граффити называют имя еще одного художника, который работал в середине XI в. Одна из этих надписей находится на хорах, на плиффе, декоративно оформляющей арку. Она состоит из двух слов: **ол(и)с(ѣ)и пъсал[ъ]**. Третья и пятая буквы в имени Олисея сохранились плохо; по всей вероятности, они были слегка затерты пальцем таким образом, что на месте их образовались небольшие углубления, но слабые штрихи этих букв все же хорошо видны при боковом освещении. Буквы могли быть затерты только тогда, когда цемянка еще не совсем просохла, поэтому эту надпись нужно отнести ко времени строительства собора. Не противоречит этому и палеография. Как местоположение надписи на большой высоте, доступной только со специально построенных лесов, так и особенности выполнения надписи (прощарапывание по еще не совсем просохшей штукатурке) заставляют предполагать в Олисее строителя или художника. Уточнить это позволяет находящаяся в архиве В. В. Суслова копия, снятая с надписей и рисунков-граффити на северной стене хор, на высоте чуть ниже человеческого роста. На кальке изображены два почти идентичных креста, несомненно, начертенных одним и тем же человеком. Возле верхнего из них находится надпись, сохранившаяся в отрывках, где отчетливо читается имя Олисея. Хотя надпись сохранилась только в копии, все же нетрудно заметить ее близость к надписи на арке. Замечателен рисунок креста: четкий, почти геометрически правильный рисунок представляет собой четырехконечный крест в круге, из средокрестия креста исходит сияние, нижний конец креста несколько длиннее и заканчивается двумя орнаментальными отрогами; второй рисунок креста отличается от вышеописанного очень незначительно. Известно еще два таких же изображения креста, сохранившиеся в копиях. Один из них находится на северной стене хор, в средней арке, на притолоке, другой, как следует из подписи, — в окне барабана купола. Поскольку одна из подписей Олисея сделана по еще не вполне просохшей штукатурке, можно предположить, что он присутствовал при строительстве собора. Палеографические и фонетические особенности надписей Олисея не противоречат датировке их серединой XI в. Художественно выполненные

рисунки крестов, местонахождение рисунков и надписей позволяют предположить, что Олисей — третий художник, расписывавший Софию в середине XI в. Возможно, его подпись и находилась в третьем парусе северо-западного купола. Имена художников Сежиръ, Олисей, так же как и сами русские надписи, позволяют считать их русскими художниками. Относительно национальности Георгия определенных данных нет²². Однако уже сейчас можно говорить о том, что русские художники принимали участие в росписи Софии на самом древнейшем ее этапе — в середине XI в. К надписям, которые сделаны строителями, относится прочерченное по цемяночной штукатурке лестничной башни крупными буквами (5—6 см высотой) граффито, почти на самом верху ее, на высоте 175 см от уровня лестничной ступени: *пouали дѣлати на стааго ко[нстантина и елены.* Опубликовавшая его В. Г. Брюсова справедливо считает, что в этой надписи сообщается о закладке Софии, которую начали строить по данным «Сказания о св. Софии» 21 мая 1045 г.²³ Скорее всего эта надпись появилась уже в конце строительства — в 1050 г. Из палеографических особенностей надписи нужно отметить у «бокальчиком», и с горизонтальной перекладиной, характерные для устава XI—XII вв.; и — с перекладиной, не доходящей до конца правой мачты, что не типично для этого времени, но может встречаться и в XI в.²⁴ Обычно для XI в. ꙗ — целиком умещающееся в строке, с коромыслом, лежащим ниже ее уровня²⁵. Таким образом, палеографические особенности не противоречат датировке надписи серединой XI в., в то время как само содержание этой крупной и заметной надписи связывает ее с периодом строительства Софии. Рассмотренная надпись анонимна, в ней не указан ни автор надписи, ни те, кто строил Софию. Может быть, ответ на этот вопрос содержит надпись, выполненная такими же крупными буквами под надписью о начале строительства, только значительно ниже ее (почти у самой ступеньки лестницы). Эта надпись состоит из одного слова: *кролъ.* Ее особен-

²² По мнению Л. П. Жуковской, окончание имени *Георi* представляет русизм.

²³ В. Г. Брюсова. О датировке..., стр. 106.

²⁴ В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 115.

²⁵ Там же, стр. 112—113.

ностью является то, что она прочерчена по сырой штукатурке (цемянке) во время строительства собора²⁶. Это, очевидно, — имя, которое с учетом древнерусского полногласия должно было звучать как Король. В письменных источниках известны прозвища *Король*, *Королько*, принадлежащие крестьянам²⁷, в источниках XVI в. известно прозвище *Королик*, восходящее к этому же имени²⁸. При всей краткости этой надписи из палеографических особенностей можно отметить *л* с короткой левой и высокой правой частью. По наблюдениям Е. Ф. Карского, такое начертание *л* встречается в некоторых древних памятниках юго-славянского происхождения, вместе с аналогичными начертаниями *а*²⁹. Эта форма *л* подтверждает датировку надписи — середина XI в. Очевидно, Крол был одним из тех, кто «почал делати» Софию: он мог быть и архитектором, и одним из многочисленных каменщиков.

По-видимому, имена еще двух строителей записаны там же, ступенькой выше предыдущих. Надписи выполнены такими же крупными буквами и представляют собой имена: *акімъ* и *нѣжъко*; *акімъ* — производное от имени *Аким* (*Иоаким*), *нѣжъко* — уменьшительное от имен *Нѣжило* или *Нѣжата*, известных по летописным сведениям³⁰. В надписи *Акімъ* нет характерных начертаний, позволяющих ее датировать, в имени *Нѣжъко* характерно *ъ*, целиком умещающееся в строке, причем коромысло его расположено ниже уровня строки. Эта форма свидетельствует в пользу датировки надписи XI в. Буква *ъ* после *ж* — очевидно, графическое явление (ср. берестяную грамоту № 109). На первый взгляд, о более позднем времени говорит написание *ж* — в пять приемов. Но в данном случае такой способ написания вызван тем, что буквы надписи прочерчены двойным контуром и при обычном для XI—XII вв. способе написания этой буквы в три приема

²⁶ На технику выполнения надписи мне указано Г. М. Штендером, который также считает ее автографом строителя.

²⁷ Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. «Зап. Отд. русской и славянской археологии Русского археолог. об-ва», т. VI. СПб., 1903, стр. 254—255.

²⁸ Там же, стр. 266. — В форме *кrol* это слово имеется в польском языке, см.: А. Г. Преображенский. Этимологический словарь древнерусского языка. М., 1958, стр. 358—359.

²⁹ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 194.

³⁰ Н. М. Тупиков. Указ. соч., стр. 338.

пришлось бы перечеркнуть среднюю черту. Несмотря на эту особенность, буква *ж* вполне симметрична и находит близкие аналогии в начертаниях Остромирова евангелия³¹.

Все четыре надписи выполнены одинаково крупными буквами, неподалеку одна от другой, почти на самом верху лестничной башни, где другие надписи уже отсутствуют. Очевидно, они представляют собой единый комплекс надписей, хотя выполнены они и не совсем одновременно: автограф Крола — в процессе строительства, а три остальные уже после того, как затвердела штукатурка. Надпись Крола дает точную дату этому комплексу, а анонимная запись о начале строительства дополняется тремя именами, начертанными поблизости. Краткость надписей не позволяет строить достоверных предположений о роли, которую их авторы играли в строительстве собора. Они могли быть как простыми каменщиками или кровельщиками, так и архитекторами. Но сами заметные надписи, оставленные для обозрения на стенах лестничной башни собора, склоняют к мысли, что их авторы играли не последнюю роль в его строительстве.

Иногда автограф дополняется указанием времени, когда он был оставлен: *иоакимъ фл[ь] с]ъ аврамомъ въ лѣ (ж).x.о.* Это одна из немногих надписей, содержащая в тексте точную дату. К сожалению, конец даты поврежден. Отчетливо читается *о* (70) на месте десятков, затем следует неясный зачеркнутый знак — *д* или *ө*. Плохая сохранность этой буквы и выбоина в штукатурке там, где должно быть титло, заставляет сомневаться в восстановлении буквы, обозначающей число единиц. Надпись может датироваться 1162 (6670), 1166 (6674) или 1171 (6679) гг., но наиболее вероятная дата — 1162 г. Палеографические наблюдения подтверждают дату, содержащуюся в тексте надписи: *Ф* — в виде «цветка лилии» типично для XII в., коромысло *ѣ* лежит уже на уровне строки, что также характерно для этого времени³².

Иоаким и Аврам оставили еще одну надпись, очевидно, такого же содержания (конец ее поврежден). Она тоже находится на стене лестничной башни, но уже на самом

³¹ Я. И. Трусевич. Изборник 1905 г., вып. 1, лист 1, № 2; Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 373.

³² В. Н. Щепкин. Русская палеография, стр. 112—113.

верху, перед выходом на крышу собора: **Иоакимъ фль
ход... съ аврамомъ в... л...**. Буквы *ход* в конце первой строки можно понять как начало слова: «ходячи». Почерк этих двух надписей идентичен, очевидно они сделаны одновременно, по слухаю «хождения» Иоакима с Авраамом на кровлю Софии.

Среди граффити встречаем анонимные записи молитвенных текстов. Такова глаголическая запись первой фразы 50-го псалма Давида: **помі(лоу) [и м]а вже [по] | вели(ц)чи** (дано в кирилловской транскрипции; рис. 4). Надпись процарапана по цемяночной штукатурке Мартиерьевской паперти, поэтому архитектурно-стратиграфическая дата ее довольно широка 1050—1195/96 гг. Палеографически надпись находит аналогии в древнейших полукруглых почерках глаголицы³³.

Еще одна такая надпись находилась на стене ризницы (в архиве И. А. Шляпкина имеется фотография этой надписи³⁴): **стаia бц(а) [п]омози ми | грѣшъноумоу припа-
да(ю)щоумоу къ тебѣ | подъ кровъ твои сты.** От пятой строки сохранилось лишь несколько букв. Горизонтальная перекладина *и* лежит в верхней трети буквы, что является признаком XIV в.³⁵ Вертикальная мачта буквы *и* далеко вышла из строки, коромысло ее лежит или в уровне строки (в середине слова), или значительно выше (в конце слова). Перекладина *и* наклонна и расположена в середине буквы. Эта форма появляется с XIII в.³⁶ Совокупность палеографических признаков позволяет датировать текст XIII—XIV вв.

Поминальные надписи широко представлены среди киевских граффити. В новгородском Софийском соборе пока обнаружена только одна. Она процарапана по цемяночной штукатурке крестчатого столба южного нефа: **мс(ц)а
октавра .д|. | преставися рабъ | вже (ги)са .ш. свтго
властиа.** Имя умершего неясно. Как это обычно для поминальных записей, указан только месяц и число, год отсутствует.

³³ А. А. Медынцева. Глаголические надписи из Софии новгородской «Сов. археология», 1969, № 1, стр. 203—205.

³⁴ Архив ЛОИИ АН СССР, колл. 163, № 16465.

³⁵ В. Н. Щепкин. Русская палеография..., стр. 115.

³⁶ Там же.

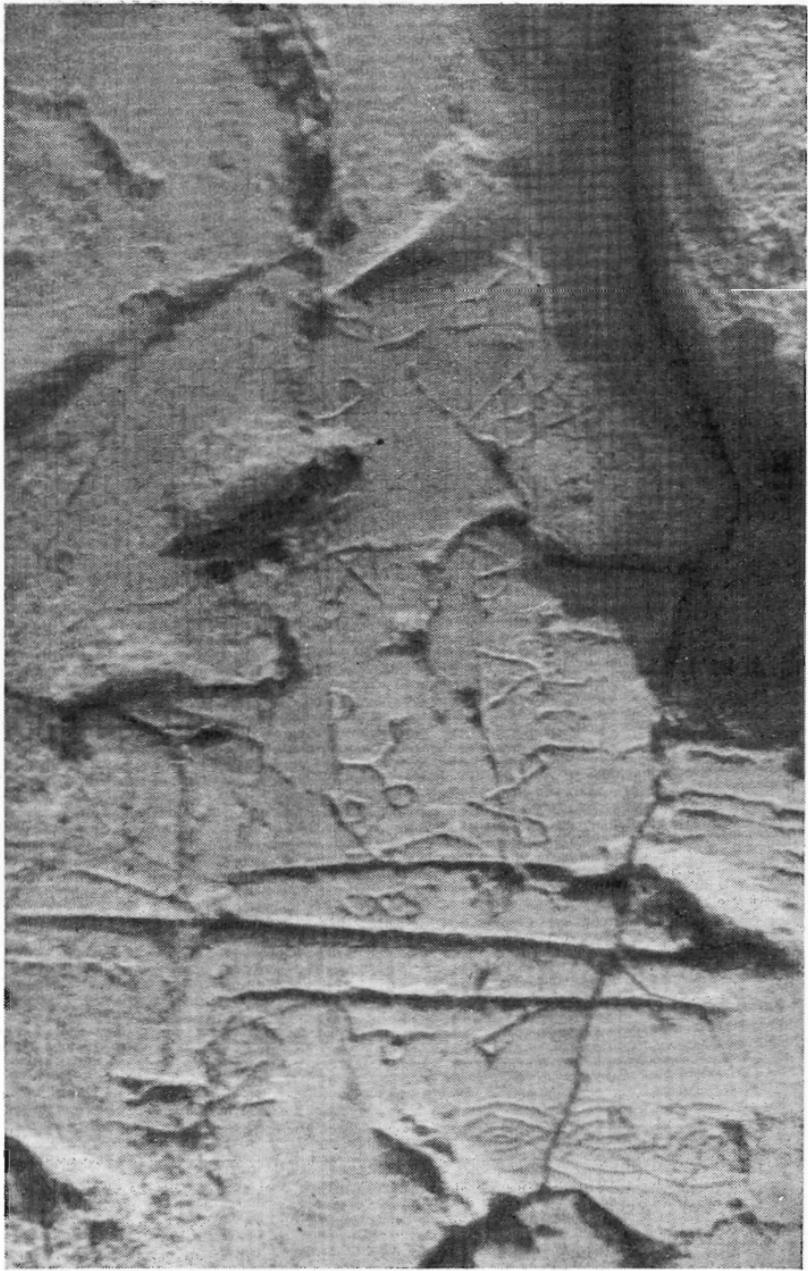

Рис. 4. Глаголическая надпись

Из палеографических особенностей надписи нужно отметить типичные для XI в. «звездообразное» ж, ѿ с высокой серединой. Местоположение надписи позволяет датировать ее 1050—1108 гг.

Представляют интерес две хозяйствственные надписи. Одна сохранилась фрагментарно, содержание ее полностью восстановить не удается. Вторая находится на стене лестничной башни, архитектурно-стратиграфической даты не имеет. Она прочерчена по цемяночной штукатурке крупными, глубоко врезанными буквами (длина надписи около 25 см): *въ роугѣ | осенъсъ :е: коунъ | а весн-
(оу)съ коунъ*. Петли ъ, ѵ геометричны, ѿ целиком умещается в строке, что типично для XI в. и изредка встречается в первой половине XII в. Анализ графики этой надписи не дает оснований датировать ее временем более поздним, чем XII в.

Роуга — ‘плата, церковное имущество, жалованье и содержание церковного причта’ (Срезн. Матер., III, 184—185); *осенъсъ, весноусъ* — ‘в эту осень, в эту весну’ (Срезн. Матер. I, 978; II, 79). В современных северорусских диалектах *веснусь, зимусь, летось, осенесъ* означают прошлую весну, зиму и т. д.³⁷ Очевидно, и здесь имеется в виду прошедшая осень и весна текущего года. Надпись не окончена, так как число кун, полученных весной, не указано. Очевидно, эта запись была сделана осенью, когда размер весенней руги был еще не известен.

Особый интерес представляют надписи фольклорного характера. Широкую известность получила надпись-насмешка над задремавшим певчим, опубликованная В. Н. Щепкиным: *акимѣ стол оусъне | а рѣта и о каменъ | не ро-
степе*. Издатель сопоставил ее с пословицей «Се налив бельма, об угол не ударишься»³⁸.

Следующие записи не только расширяют представление об устном народном творчестве XIII в., но и объясняют причину сравнительной немногочисленности записей такого рода в Новгородской Софии. Это граффито состоит из двух надписей, выполненных одной рукой, но разделенных горизонтальными линиями. Каждая строчка надписи была зачеркнута аккуратной чертой,

³⁷ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 436.

³⁸ В. Н. Щепкин. Древнерусские надписи..., стр. 32.

и, кроме того, обе надписи перечеркнуты несколькими перекрещивающимися штрихами. Все это, так же как и утраты фресковой штукатурки, весьма затрудняет прочтение. . . (ки)те пи[ро]г(е) въ печи | гридьба въ корабли; перепелка пар[е] въ доуброве пост[ави] ка[ши]оу по[ст]ави пи[ро]г[е] тоу иди. Первое слово надписи прочтению не поддается, от него остались лишь буквы *te*, чтение которых все же сомнительно. Здесь *пироги* — ‘ситный хлеб’ (Срезн., Матер. II, 933), *печь* — ‘очаг, печь’— (Там же, II, 929), *гридьба* — собирательное от *гридь* — ‘княжеские воины’ (Там же, I, 592). Очевидно, это запись поговорки *Как сидят корабли в печи, так и гридьба в корабле.*

Вторая часть записи восстанавливается полностью: *паре* — производное от глагола *парити* ‘парить, летать’ (Срезн. Матер. III, 881): «перепелка летела в дуброве, поставила кашу, поставила пироги, туда иди». В этой шуточной песенке, очевидно пред назначенной для детей, прослеживается связь с известной «Сорокой» из детского фольклора. Слова *туда иди* в конце надписи указывают на то, что эта песенка могла употребляться как считалка. Палеографические особенности надписи: треугольные петли *ъ*, *р*, по определению А. В. Арциховского — «в виде тросточки», характерное для берестяных грамот XII в.³⁹, симметричное *ч* — с окружной чашечкой, относящееся к XI—XII вв.⁴⁰, не позволяют датировать эту надпись позже первой половины XIII в. Поскольку надпись процарапана по фресковой живописи конца XII в., дата ее — конец XII—первая половина XIII в.

Как уже говорилось, эта надпись была тщательно зачеркнута, скорее всего церковной цензурой, так как явно светское ее содержание не имело никакого отношения ни к религии, ни к церковным событиям. Однако сам цензор, зачеркнувший строки о гридьбе и о перепелке, не считал за грех царапать церковные стены и ниже этих надписей появилась еще одна, достаточно выразительная: *оусохните | ти роуки*, т. е. «отсохните те руки, которые напарапали строчки, неуместные на церковных стенах».

Еще ниже благочестивый вздох: *охъ | дшे | грѣш* (Ох, душа грешной |).

³⁹ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958, стр. 53.

⁴⁰ В. Н. Щепкин. Русская палеография . . . , стр. 115.

Эти две последние надписи, возможно, выполненные разными лицами, поясняют, почему, несмотря на официальное запрещение, стены многих древнерусских церквей были покрыты многочисленными граффити. Грехом почтальось лишь «резать» надписи светского содержания, не имеющие отношения к религии или к церковно-политическим событиям.

Иногда встречаются граффити, не попадающие ни в одну из перечисленных выше групп. Такова надпись, очевидно, находившаяся на стене лестничной башни, в настоящее время не сохранившаяся. В архиве И. А. Шляпкина имеется фотография эстампажа этой надписи⁴¹. Это граффито выполнено крупными буквами (до 4–5 см высотой), общая его длина — около 80 см.: *охъ тошно
владко нѣтъ порада дьякомъ | а дѣян сплачу охъ
женатымъ | (дьякомъ).* Владыко — обращение к новгородскому архиепископу; порадъ — распорядок, уговор, в данном случае, очевидно, совпадает по смыслу с порадие — устройство, порядок (Срезн., Матер. II, 1225—1226); дѣян должно быть равнозначно индѣ — где-нибудь (Там же, I, 1100). Надпись переводится так: «Ох тошно владыка! Нет порядка (устройства) дьякам. А сплачу (вымолю) где-нибудь? Ох, женатым дьякам». Совокупность палеографических признаков позволяет датировать эту надпись второй половиной XIII—первой половиной XIV в. Эта своеобразная анонимная члобитная от имени дьяков новгородскому владыке-архиепископу с жалобой на «неустройение» дьяков рассчитана на то, что владыка обязательно заметит ее. Памятники истории того времени указывают на существование демократического антицерковного движения, в котором принимало участие и низшее духовенство. Вышеупомянутая «члобитная» является конкретным историческим примером проявления недовольства низшего духовенства своим положением.

Еще В. Н. Щепкин среди надписей Софии Новгородской обнаружил две глаголические. К настоящему времени число их достигло десяти. Все они датируются довольно узким промежутком времени — второй половиной XI—началом XII в. и, конечно, свидетельствуют о том, что знакомство с глаголицей в этот период не было случай-

⁴¹ Фотоархив ЛОИА АН СССР, колл. № 111, 6662.

ным. Нельзя приписать все глаголические надписи паломникам из южнославянских стран: в четырех из них древнерусские особенности употребления *ia* и *a*.

Только об одной из этих надписей мы можем сказать, что она оставлена человеком пришлым — это надпись Яна-воина, «странныго» человека: [с](т)раныны | грѣше| ны | наңъ воин(е). Однако мы не можем быть уверены, что он прибыл из других славянских областей. Он мог быть жителем любого древнерусского города.

Глаголические граффити по содержанию ничем не отличаются от обычных надписей на стенах храма. Почти все являются молитвенными формулами. Поэтому трудно согласиться с В. И. Щепкиным, определившим две глаголические надписи из Софийского собора как тайнопись.

Употребление в некоторых надписях и кирилловских и глаголических букв указывает на то, что их авторам были известны оба алфавита. Естественно предположить, что большинство глаголических надписей сделано именно писцами, которым приходилось переписывать кириллицей с глаголических оригиналов. О случаях переписки с одного алфавита на другой свидетельствует и широко известная приписка попа Упыря Лихого (1047 г.) к рукописи Пророков с толкованиями, содержащая буквы и слова, написанные глаголицей. Оставляя в стороне вопрос о том, какой из алфавитов Упырь назвал «куриловицей», отметим, что оба алфавита были известны в Новгороде XI в.

Глаголические надписи представляют лишь очень незначительную часть новгородских граффити. Еще меньше их в киевском Софийском соборе, где на сто опубликованных кирилловских надписей приходится лишь несколько глаголических букв. Сравнительная немногочисленность глаголических надписей среди эпиграфического материала, причем найденных лишь на стенах церковных зданий, свидетельствует о том, что глаголица, как специфически церковное письмо, не нашла широкого распространения среди городского населения древней Руси. И лишь писцы, знакомые с обеими азбуками, употребляли иногда глаголицу для благочестивых надписей на стенах храма.

Для многих берестяных грамот характерно отсутствие регламентации при переносе слов со строки на строку⁴². В надписях-граффити обычно авторы избегали переноса

⁴² Л. П. Жуковская. Палеография, стр. 75—76.

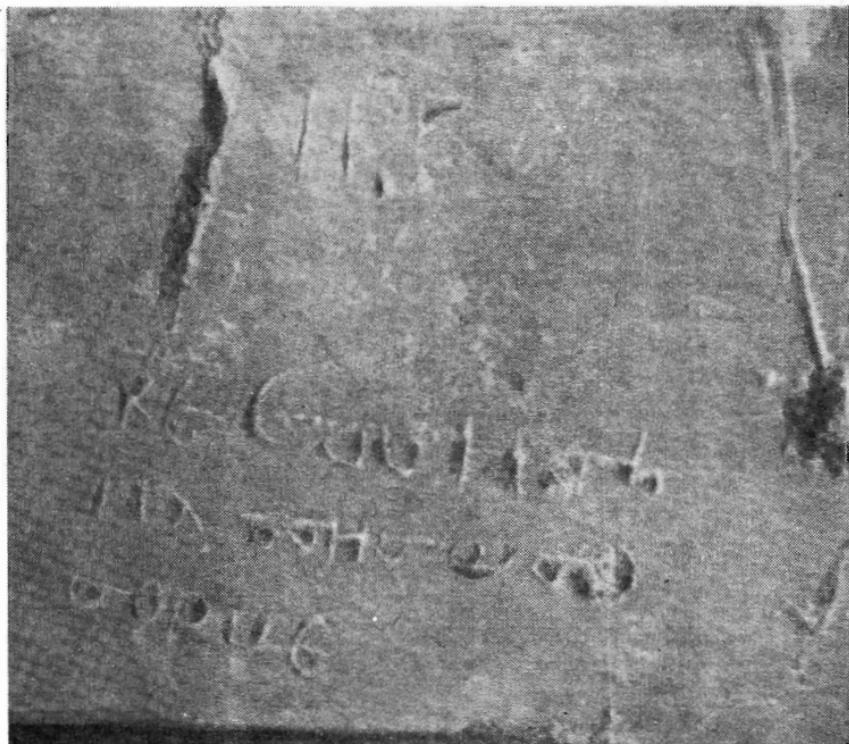

Рис. 5. Греческая надпись

слов, что было легко достижимо при письме по неограниченной плоскости стены. В тех случаях, когда они прибегали к переносу (в 36 надписях), они переносили слова по слогам, причем слоги обязательно оканчиваются на букву гласного полного образования, либо на ъ, ь. Исключение составляют перенос с |воемоу, что, возможно, объясняется выбоиной, следующей за буквой с, и ѿ|дажь.

К настоящему времени известны также три греческие надписи. Они прочерчены по цемяночной штукатурке лестничной башни. Содержание первой из них⁴³: ΚΕ ΕΠΙΤΙ|ИЛПИС[КАИ] ΣΟ|CON ΜΕ «господи, укрепи надежду [и] спаси меня» (рис. 5). Таким образом, надпись по содержанию повторяет обычные молитвенные записи. Палеографическая дата ее довольно широка XI—XIII вв. Архитектурно-стратиграфическая проверка может огра-

⁴³ Надпись прочитана и датирована Б. Л. Фонкичем.

ничить лишь нижнюю дату 1050 г. Две другие надписи, очевидно, представляли собой такие же молитвенные записи; сохранились они фрагментарно.

В заключение даем словарь личных имен, который продолжает список, изданный В. Н. Щепкиным. В квадратных скобках приводим имена, исходная форма которых в граффити не встречается.

[аврамъ]: аврамомъ — 1162 г.

акіма — 1050?

ан... д(р)Ф(и) — 1177—1178 г. или 1197 г.

[велька]: велькѣ — 1050—1108 г.

борисо — XII—XIII в.

[борька]: борькѣ — 1050—1108 г.

былата — XI—XII в.

[вачеславъ] [аковъ]: вачеславоу аковоу — сер. XI в.

витомире — 2-я пол. XI в.

воата — XI—XII в. (глаголическая)

въцъславъ — 1050—1108 г.

гага — сер. XI в. (?)

георі — сер. XI в.

[глебъ]: глебовоу — 1069—70 г. или 1137 г.

[глебъко]: глѣбъкѣ — 1050—1108 г.

гололе железычк (лигатура иъ) — XII—XIII в.

[григорі]: григорі (дат. пад.) — перв. пол. XIII в.

[гѣрьманъ]: гѣрьманоу — XI—XII в.

далата — XI—XII в.

данъ гречен(ъ) — сер. XI в.

домашка мыслатиницъ — перв. пол. XIII в.

домославе... () гинич... — XI—XII в.

[дофота]: дофоты — XIII в.

дъ (Давыдъ) — XI—XII в.

[дъмнанъ] (св.): дъмнана — 1050—1054 г.

[елена] (св.): елены — сер. XI в.

иванъ — сер. XI в.

иванъ рѣпкев[ъ] — XIII в.

илемере — XII в.

иакимъ — иакимъ — 1162 г.

[козъма] (св.): козъ[мы] — 1050—1054 г.

[костантинъ]: костантинна — 1055 г. (?)

[костата]: костате — к XII—XIII в.

коулотъка — 1050—1108 г.

лазоръ — 1108—1112 г. (?); лазореви — 1050—1108 г.

- лжка — 1050—1108 г.
микоула — 1050—1108 г.
микшуда (в.) — 1050—1112 г.
михала (св.) — 1-я пол. XIII в.
моу(т)ата — XI—XII в.
мѣстата жавѣчевичъ — 1050—1108 г.
[ник(о)ла]: нико[ло]у — 1050—1054 г.
... иѣгъла — XI—XII в.
иѣжъко — 1050 г. (?)
иѣжата иваничъ]: иѣжатѣ иваничоу — 1050—1108 г.
олисчи, олисчи — сер. XI в.
[остромиръ]: [ост]ромиръ — 60-е г. XI в.
офримъ — 1050—1108 г.
петръ — 1050—1108 г.; [пѣ]тръ — 60-е г. XI в.; петре
(св.) — 1050—1108 г.
петрило — 1050—1108 г.
побрят(о или т?) слав[ъ] — 1050—1108 г.
радигос[тъ] — 1177/78 г. или 1197 г.
радоч(кинъ) — 1177/78 г. или 1197 г.
радъке — 2-я пол. XI в.; рад(ъ)ко — 1112 г.; радъко —
XIII в.
с(в)одоръ — 1050—1108 г.
својата творјата — 1050—1108 г.
сежиръ, сежиръм(ъ) — сер. XI в.
сновиде — 2-я пол. XI в.
[софија]: софи (дат. п.) — сер. XI в. (?)
софије (зват.) — 1050—1054 г.; софък(е) (зват.) — XII—XIII в.
стефанъ — 1108—1112 г.
стрѣшко (лигатура т р) — XIII в.
[твѣредата]: твѣредатѣ — XIII в.
[тоудоръ сѣбъсавичъ]: тоудороу сѣбъсави(ч)оу —
XIII в. (до 1268 г. ?)
[т]ѣредата — XIII в.
[фа(р)ѣманъ]: фа(р)ѣманоу — 1069/70 г. или 1137 г.
хотъке — 2-я пол. XI в.
хотънъ — XI—XII в.
хот(е)н(ц?)о — кон. XII — нач. XIII в.
[ѣрославъ]: єрослава — 1050—1054 г.
иавѣдата (см. микшуда)
аковъ (см. вачеславъ); [аковъ] (св. ?) акова — XI — XII в.
[аропатъкъ]: аропатътә — 1177/78 г. или 1197 г.
[жгринъ]: жгринъмъ — 2-я пол. XI в.
[ѳеодоръ]: Ѹеодорж — 1050—1108 г.